

ТАИНСТВЕННАЯ ГОЛОВА ТАМПЛИЕРОВ

Часть I

Среди пунктов обвинения, выдвинутых против тамплиеров, самое интригующее и дающее больше всего простора для воображения — конечно, обвинение в идолопоклонстве. Это явно было удобным способом изобличить рыцарей Храма как еретиков и приверженцев языческих ритуалов. В этом обвинении самом по себе ничего оригинального нет: его выдвигали против большинства еретиков, даже не сознавая или не отдавая себе отчета, что некоторые обряды Католической церкви плохо осведомленный наблюдатель мог бы принять за настоящие акты идолопоклонства. Это относится к культу реликвий и даже к присутствию статуй в церквях: мусульман ужасало именно это, они не терпели изображений Бога в своих святилищах. А что сказать о разнообразных «объектах поклонения»? Конечно, для того, кто не знаком с христианским учением, в церемониях Римско-католической церкви немало элементов идолопоклонства. Кстати, справедливости ради надо напомнить, что католические церемонии во многом воспроизводят так называемые языческие культы древности и раннего средневековья. Если учесть это, к обвинениям в идолопоклонстве, которые подручные Филиппа Красивого бросали тамплиерам, следует отнестись с большой осторожностью.

Прежде всего, надо обратиться к различным свидетельствам, собранным во время процесса. Вот что показал, не подвергшись пытке, Гуго де Пейро, второй человек в ордене Храма: *«Эту человеческую голову я видел, держал и осязал в Монпелье, во время капитула, и поклонялся ей, как все прочие присутствовавшие братья, однако устами и притворно, а не сердцем»*. Странное признание. Если только слова Гуго де Пейро не были притворством, рассчитанным на то, чтобы направить инквизиторов по ложному пути.

Речь идет о голове или скорее, об изображении головы, которое, как говорят, имелось в каждом командорстве и иногда извлекалось во время собраний капитулов в тайном и закрытом месте. Тогда присутствующие должны были отправлять культ этой головы. Что она представляла собой на самом деле, это другая проблема: признания сильно расходятся. Согласно брату Ренье де Ларшану, это была бородатая голова. Он признавал, что видел ее раз двенадцать, и уточнял, что все присутствовавшие братья *«ее почитали, целовали и называли своим Спасителем»*. Если это правда, тамплиеры действительно были идолопоклонниками.

Но это не все. Вот свидетельство Гильома д'Эрбле, духовника короля: *«Что касается головы, я видел ее на двух капитулах, которые проводил брат Гуго де Пейро, досмотрщик Франции. Я видел, что братья ее почитали, но никогда не сердцем. Думаю, что она деревянная, снаружи посеребренная и позолоченная... Мне кажется, у нее есть борода или нечто вроде бороды»*. По утверждению другого брата, Гуго де Бюра, *«она была не из дерева, а, может быть, из серебра или же из золота либо из меди. Она напоминала человеческую голову, с лицом и длинной бородой»*. Но согласно брату Бартелеми Буше, *«она напоминала голову тамплиера, в колпаке, с длинной белой бородой»*, тогда как, по словам Гуго де Пейро, в другом показании, *«у этой головы было четыре ноги, две спереди и две сзади»*. Создается впечатление, что великий досмотрщик Франции скорее морочил голову тем, кто его допрашивал. В рассказе того же Гильома д'Эрбле эта голова приобретает фантастический облик: *«Я слышал, что это была голова одной из Одиннадцати тысяч дев [Знаменитые реликвии, хранящиеся в Кельне. По легенде, имеются в виду святая Урсула и десять тысяч девятьсот девяносто девять посвященных дев, убитых гуннами, потому что отказались им отдаться.]. Но теперь я думаю, что это был идол. У нее было два лица ужасного вида. Ее борода была серебряной»*. Ужасающий вид особо подчеркивает Рауль де Жизи, сборщик Шампани: *«Эту голову я видел во время семи капитулов... Ее приносят, и все простираются на земле, снимают клобуки и поклоняются ей... Ее лицо ужасно, мне казалось, что это лицо беса, mauve [«Mauvais fe», то есть «злого духа»]. Всякий раз, когда я бросал на нее взгляд, меня охватывал такой ужас, что я едва мог на нее смотреть, все мои члены дрожали»*. Этому брату заметили, что почитать идола — дело очень дурное. Он ответил: *«Отрекаясь от Иисуса, поступали намного хуже, после этого вполне можно было поклоняться голове»*. Очевидно, что братья-тамплиеры не слишком понимали ритуал, при котором их обязывали присутствовать. И так, на этих знаменитых тайных капитулах что-то происходило, но никто из присутствовавших не был способен точно объяснить, что именно.

В показаниях фигурирует и много других описаний этого рода. Отметим еще показание брата Бартелеми Роше от 19 апреля 1311 года: *«Я был принят в большой часовне парижского Тампля. После посвящения меня ввели в маленькую часовню. Я остался наедине с сновником, который показал мне голову рядом с дарохранильницей. Он велел мне в случае опасности взывать к этой голове. Голова была покрыта куском тонкого белого полотна. Не знаю, была ли она из слоновой кости, металла или дерева. Я видел ее только один раз»*. Иногда эта голова обретала фантастические формы. Так, брат Бернар де Сельг уверял, что в Монпелье, где хранилась эта голова, с ней воедино слился дьявол, представляя в облике кота, говорящего на человеческом языке. А по словам брата Жана де Неритона, этот сатанинский котище сулил своим почитателям обильные урожаи, много золота и здоровье. Этот брат даже утверждал, что слышал от капеллана слова: *«Istud caput vester Deus est, et vester Mahumet»*, то есть *«Вот ваш Бог и ваш Магомет»*. Назвать идола Магометом — это не лишено остроумия! Это напоминает знаменитое место из *«Песни о Роланде»*, где эмир Балиган и король Марсиль, два добрых *«сарацина»*, в подземном святилище поклоняются трем идолам — Аполлону, Магомету и Терваганту, причем последний — это Бык с Тремя Журавлями у кельтов.

Итак: голова, черт, кот, чудовище? Легко узнаешь джентльменский набор колдунов низшего разряда. Самое меньшее, что можно сказать, — что мы имеем дело с фольклорным персонажем.

Однако из-за знаменитого **Бафомета** пролилось немало чернил, пронеслось немало бурь в ученой литературе...

Так что же такое **Бафомет**? По мнению Жана Шарпантье, выдающегося знатока проблемы тамплиеров, напрашивается гипотеза, что двулика голова символизировала тайный союз Востока и Запада, тот самый союз, который готовили тамплиеры. Согласно этой гипотезе, разделяемой Виктором-Эмилем Мишле, подхваченной Юлиусом Эволой и Рене Геноном, тамплиеры, по крайней мере некоторые из них, входившие в некий круг посвященных, хотели объединить мудрость Востока и Запада, ислама и христианства в нечто вроде *«трансэкуменизма»*. **Бафомет** — его символический образ. Перед нами опять знаменитый геноновский синкретизм. Но почему бы нет? Можно даже предположить, что тамплиеры были тайными мусульманами, например, суфиями. Исторические данные формально противоречат этой гипотезе, но зачем об этом... *«Западные эрудиты предположили, что слово „Бафомет“ (Bafomet, или Varhomet) могло быть искаженным арабским абуфихамат (или буфихамат), что можно перевести как „отец понимания“*. В суфийской терминологии понятие раль-эль-фахмат (голова знания) связано с ментальным процессом у посвященного» [Idries Shah. Les Soufis et l'ésoterisme. Paris, Payot, 1972.]. Вот еще объяснение, не хуже прочих.

Разгадке значения слова **«бафомет»** было уделено много внимания. В начале XIX века арабист Сильвестр де Саси заявил, что это искаженное слово **«Магомет»**, что, естественно, вызвало бурю протестов: в мусульманском культе антропоморфическое

изображение немыслимо, хоть Саси и нашел в одном словаре XVIII века слово *bahommerid* в смысле «мечеть». Немецкий ориенталист Гаммер-Пургшталь выдвинул утверждение, что «Бафомет» происходит от арабского «Бахумид», означающего «теленок». Отсюда он сделал вывод, что «голова» тамплиеров была связана с культом золотого тельца. Толкование выразительное, если вспомнить, что тамплиеры были крупнейшими банкирами Европы.

Но поскольку ни в одном словаре слово «Бахумид» не нашлось, Гаммер-Пургшталь быстро изменил свой тезис. Теперь он заявил, что это слово имеет гностическое происхождение и возникло в результате объединения двух греческих слов: бафе (крещение) и метеос (инициация). По его словам, это было связано с инициацией огнем. Иначе считал оккультист Виктор-Эмиль Мишле. По его мнению, это была сокращенная формула, *Templi Omnium Hominum Pacis Abbas* [Настоятель Храма Мира Всех Людей (лат.)], иначе говоря, ТЕМОИРАВ, которую надо по правилам кабалистики читать справа налево, оставляя, неизвестно почему, одни буквы, а не другие. По тому же принципу Джон Шарпантье, опираясь на необоснованное положение, что патроном ордена Храма был Иоанн Креститель, предлагал соединить слова «Креститель» (*Baptiste*) и «Магомет» (*Mahomet*), вычеркнув после третьей буквы количество букв, равное сакральному числу семь. Видно, как люди барахтаются в игре слов!

Совсем другим путем пошел Альбер Олливье. Он предложил сопоставить имя «Бафомет» с «Бафо» [Пафос], названием порта на Кипре, где долгие годы была резиденция тамплиеров. Он предположил, что могла существовать связь между культом Астарты, храм которой находился в Бафо в древности, и культом Девы Марии, которую особо почитали тамплиеры. «Не исключено, что орден привез с Кипра какую-то голову или останки — неизвестно, христианские или языческие, — а судьи сочли возможным связать их с культом Астарты» [Ollivier A. *Les Templiers*. Paris, Seuil, 1958. P. 76.]. Но для этого судьи и инквизиторы должны были бы обладать довольно широкой общей культурой и глубокими знаниями древних культов, что далеко не факт. Тем не менее эта гипотеза интересна в том отношении, что на Кипре определенно возникли контакты между тамплиерами и восточными христианами, а именно коптами [На эту тему можно прочесть превосходную книгу: Tourniac J. *De la chevalerie au secret du Temple*. Paris, Prisme, 1975, где автор рассматривает возможные совпадения между восточными христианскими учениями и тайным учением ордена Храма.]. Однако непохоже, чтобы между бородатым идолом, описанным в ходе допросов, и изображением Астарты было много сходства, даже если последнюю считать богиней Бафо.

Но все это труды на пустом месте. Ведь в конечном счете слова «Бафомет» никогда не произносили ни обвинители ордена Храма, ни даже сами допрашиваемые тамплиеры, во всяком случае в начале процесса. За невероятное распространение этого слова ответственны историки и оккультисты. Реальность гораздо проще: ее можно найти в протоколе допроса одного сержанта из Монпеза, что близ Монтобана, обвиненного в

поклонении бафометическому образу. А говорил этот сержант на окситанском, на языке своих краев. Следователи, которые были родом с Севера, толком не поняли, о чем идет речь. Во всяком случае, они не знали, что в народной речи на языке «ок» слово «Магомет» часто искажается и произносится как «Бафомет». Это показывает нам поэма одного трубадура, известного под именем Оливьер Тамплиер, который писал в 1265 году: «(Турки) знают, что каждый день они нас унижат, ибо Бог спит, что некогда бодрствовал, и Бафомет открыто проявляет свою силу, позволяя блистать султану Египта» [Цит. по: Ollivier A. Les Templiers. Paris, Seuil, 1958. P. 120.]. Таким образом, бафометический образ — это просто-напросто магометанский образ. Сержант, конечно, не знал, что мусульманская религия запрещает любое изображение человека, равно как «этого не знал автор «Песни о Роланде» и многие средневековые писатели, говорившие о «сарацинах» в других местах [Во многих героических песнях, написанных в XII и XIII веках, часто описывали, как сарацины клянутся Магометом, Аполлоном и Тервагантом и отправляют культ идолов. В Западной Европе явно были незнакомы с мусульманской религией, и под пресловутыми сарацинами понимались все, кто не был христианами, в том числе приверженцы римской и друидической религий, а также сохранившиеся в народе, в сельской местности, пережитков этих религий. Таким же образом в героических песнях сарацины иногда оказываются колдунами или даже бесами.]. Для него причудливое изображение, которое он считал нехристианским, могло быть только *mahomerie*, как иногда говорили в XII и XIII веках, когда не слишком домогались точности. В героических песнях все нехристианское — сарацинское. И на этом-то недопонимании выстроили мудреные теории, усмотрев мусульманское влияние на тайные верования тамплиеров! Бафомета не существовало: это выдумка эрудитов.

Но если не было Бафомета как такового, то голова все-таки как будто была: ведь о ней говорит столько показаний?

Нет: и головы тоже не было.

11 мая 1311 года папская следственная комиссия, заинтригованная противоречивыми свидетельствами относительно головы, запросила хранителя секвестрованного имущества ордена Храма, есть ли среди изъятых предметов деревянная или металлическая голова. Хранитель, Гильом Пидуа, «принес голову, большую, красивую, из позолоченного серебра, которая имела женское лицо и содержала кости черепа, помещенные в складки сшитого куска белого полотна, а также другую ткань, красноватого оттенка, покрывавшую полотно... Пидуа заявил, что в доме ордена Храма более ничего не найдено». Надо уточнить, что эта голова имела надпись «*Sarut LVIII m*». По поводу надписи было пролито много чернил, но, вероятно, это был просто номер. Видеть в ней тайный код незачем. Во всяком случае, свидетели не опознали в представленной женской голове ту, которую видели во время таинственных церемоний, когда принимали в них участие. А в ходе обысков во всех домах ордена Храма ни одной головы найдено не было, что все-таки весьма удивительно.

А что это был за «идол» под названием «*Caput LVIII m*», очень хорошо известно. Это был просто-напросто реликварий в форме бюста женщины, абсолютно похожий на все реликварий такого рода, используемые в совершенно ортодоксальных культах святых жен или мучениц [См. Probst-Birahen et Maitrot de la Motte-Capron. *Les idoles des chevaliers du Temple // Mercure de France, 1939. Vol. 294. P. 569-590.*]. И никакой тайны в этом быть не может.

Следовало бы вспомнить и то странное место из Рабле, из пролога к «Гаргантюа», где говорится о «силенах»: «Силенами прежде назывались ларчики вроде тех, какие бывают теперь у аптекарей; сверху на них нарисованы смешные и забавные фигурки, как, например, гарпии, сатиры, взнузданные гуси, рогатые зайцы, утки под выючным седлом, крылатые козлы, олени в упряжке и разные другие занятные картинки, вызывающие у людей смех, — этим именно свойством и обладал Силен, учитель доброго Бахуса, — а внутри хранились редкостные снадобья, как-то: меккский бальзам, амбра, амом, мускус, цибет, порошки из драгоценных камней и прочее тому подобное» [Рабле, Франсуа. *Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. Н. Любимова. М.: Правда, 1981. С. 23.*]. Рабле хочет здесь показать, на этом примере и на примере Сократа, который имел уродливое и гротескное лицо, но по уму был величайшим мудрецом мира, что часто не следует доверять внешности. Что же может скрывать безобразный и гротескный идол тамплиеров? Какой природы на самом деле были реликвии в ларце такого рода, украшенном гротескной головой?

Все это связано с символами и с народными традициями, общими для многих стран Востока и Запада. В описании «силенов», которое сделал Рабле, есть удивительная аналогия с описаниями таинственной головы, о которой свидетельствовали тамплиеры. Вероятно, Рабле, который был вполне в курсе дела ордена Храма и рассыпал многочисленные намеки на него в своем произведении, вспомнил это дело и использовал, чтобы показать, что за уродством часто скрывается красота и что реальность — не обязательно то, что видно снаружи. Это вопрос философский и никакого отношения к культу идолов не имеет.

Другое свидетельство, сделанное во время процесса, повернуло ход разбирательства в сторону народных преданий. Это показание итальянского нотариуса Антонио Сиччи из Верчелли, который сорок лет находился на службе у сирийских тамплиеров. Вот что он рассказал 1 марта 1311 года: «Я несколько раз слышал рассказ о том, что произошло в городе Сидон. Некий дворянин из этого города полюбил некую знатную женщину родом из Армении; при жизни он никогда не познал ее, но когда она умерла, он тайно изнасиловал ее в могиле, ночью после того же дня, когда ее похоронили. По совершении этого действия он услышал голос, сказавший ему: „Вернись, когда придет срок рожать, ибо ты обнаружишь голову, плод твоих трудов“. По истечении этого времени рыцарь вернулся на могилу и между ног погребенной женщины нашел человеческую голову. Снова раздался голос и сказал ему: „Крепко береги эту голову, ибо от нее ты получишь все блага“. В то время, когда я слышал это, прецептором того места (Сидона) был брат Матье, по прозвищу Сарнаж, родом из Пикардии, он стал

братом Судану (султану) Вавилона (Каира), что тогда царствовал, потому что один пил кровь другого, и потому в них стали видеть братьев» [Reinach S. La Tete magique des Templiers // Revue de l'histoire des Religions. Paris, 1911. № 63. P. 25-39. Рейнах со страстью разыскивает мифологические истоки этой знаменитой «головы»].

Эта некрофильская история хорошо известна. Ее с вариантами пересказывают еще в двух показаниях. Этот рассказ еще веком раньше можно найти в курьезных произведениях Гервасия Тилберийского и Вальтера Мапа, и это показывает, что перед нами мифологический сюжет, перешедший в разряд народной сказки. Мотивы легко узнаваемы: волшебный череп, дающий богатство своему обладателю, запретное, но эффективное в магическом смысле соитие между живым и мертвым и представление о дурном глазе. Добавлено упоминание о **тамплиерах** с намеком на то, что один из них, совершив обряд братания по крови с главой мусульман, унаследовал эту волшебную голову. Разве что всем ее магическим и символическим могуществом не наделили так называемый **Бафомет**.

На самом деле, как показывает Саломон Рейнах, история о «голове» **тамплиеров** относится к циклу легенд, связанных с Персеем и Медузой. За век до процесса легенда о Персее испытала новый всплеск популярности. Но вместо персонажа античности Персей, согласно средневековым обычаям, всегда осовременивавшим героев прошлого, стал рыцарем наподобие Ланселота Озерного. А кого в то время на Ближнем Востоке привычно представляли при слове «**рыцарь**»? Разумеется, **тамплиера**. Поэтому Персея уподобили **тамплиеру**. Восточные люди слышали, что рыцари прячут волшебную голову (**голову Медузы**): эти рыцари могли быть только **тамплиерами**. А поскольку с этой головой они совершали что-то диковинное, они, конечно, тайно обратились в ислам и почитали голову как идола, *mahomerie*.

В результате эту голову стали считать «**инициационной**». Потому что ее соотнесли со шнурком, который носили **тамплиеры**. А ведь, согласно показаниям на процессе, этот шнурок передавали новому рыцарю после того, как им повязывали шею идола. Вот что рассказывает брат Гуго де Бюн: «Брат извлек из шкафа голову и поставил ее на алтарь. Он счел своим долгом опоясать ее шнурком, потом передал его мне и велел носить на поясе». Явно ссылаясь на самые обычные обряды, **тамплиеров** хотели очернить и приписать им идолопоклоннические обычаи. На самом деле эти шнурки были хорошо известны, и им подобные носили все монахи. Это был просто-напросто символ предписанного целомудрия, о котором должен был помнить любой монах. И если для придания этому шнурку магических свойств, то есть в действительности для его благословения, служила эта голова, то ничего столь уж зловещего в ней не было. Должно быть, речь шла просто-напросто о реликварии. Кстати, другой брат, Ги Дофин, рассказывал, что этот шнурок касался в Назарете столпа Благовещения.

ТАИНСТВЕННАЯ ГОЛОВА ТАМПЛИЕРОВ

Часть II

Вероятно, у **тамплиеров** существовал обычай приводить шнурок в соприкосновение со священным предметом, придавая ему больше могущества или значимости. Это можно считать суеверием, но в любом случае это совершенно ортодоксальный христианский поступок. Кстати, многие свидетели рассказывали, что орден обладал множеством реликвий, в том числе святого Толикаarpa и святой Евфимии. Эта знаменитая голова, представление о которой породило столько гипотез и столько бредней, в конечном счете, похоже, была всего лишь реликварием, подобном тому, который захватили в парижском **Тампле** и показали членам папской комиссии. Никаким котом и не пахнет.

Как же! «Представление о сатанической природе этого идола появилось из-за того, что ряд свидетелей упорно настаивал; они-де видели его в обществе нашего старого знакомого, сатанического кота. Этот кот возникал рядом с идолом в подобии облака, оставался там в течение всей церемонии, а потом исчезал и больше не появлялся. Никто не может объяснить его происхождения, и утверждается только, что он исходил из дьявола или сам был дьяволом. Присутствующие **тамплиеры** оказывали ему

почести, снимая перед ним шапки, низко ему кланаясь и, наконец, целуя его под хвост. В остальном кот был столь же переменчивым, как и идол: некоторые утверждали, что он был черным, другие — серым, третьи — пятнистым или даже рыжим. После этого мы не удивимся, узнав, что, по утверждениям некоторых обвиняемых, **тамплиеры** помазывали идола жиром из жареного трупа новорожденного, что они жгли тела умерших братьев и смешивали их пепел с порошком, который давали послушникам, чтобы при помощи этого магического снадобья нерасторжимо связать их со своими отвратительными обрядами. Нас уже не изумит сообщение, что на поклонении идолу и коту иногда присутствовали бесы в облике прекрасных дев, чье появление было тем более необычным, что окна были плотно закрыты... но с которыми **тамплиеры**, собравшиеся для церемонии, охотно вступали в любовную связь» [Cohn N. *Demonolatrie et sorcellerie au Moyen age*. Paris, Payot, 1982. P. 117.]. В результате, должно быть, эти церемонии оборачивались практикой так называемого принудительного гомосексуализма. В общем, полный бред.

Пытаться разделить здесь миф и реальность бесполезно. Они слишком перемешаны, чтобы их можно было распознать. Обвинители **тамплиеров**, и это очевидно, задействовали все фольклорные ресурсы, какими располагали, чтобы уличить бывших «**бедных рыцарей Христа**». Тут использован весь обычный инвентарь ведовских процессов. И если кстати появлялся кот, настоящее медиумическое животное, и его отождествляли с дьяволом, это поражало воображение людей. В конце **концов тамплиеров** убедили, что они нечто видели или в чем-то участвовали. Но тем не менее все это основано на двух-трех реальных фактах, которые подручные Филиппа Красивого использовали и раздули с ловкостью, которую, и самое время это сказать, можно определить как дьявольскую.

Вероятно, во время некоторых капитулов **ордена Храма** проводились более или менее тайные церемонии, значения которых уже точно не понимали и сами участники. Эти церемонии стали формальностями, лишены первоначального содержания. Остались только определенные символические жесты или символические заклинания. Ведь таинственная «**голова**» **тамплиеров**, вероятно, никогда не существовала материально.

Но о ней говорили, ее описывали. Значит, она обязательно возникала, причем в символической форме. Это трудно опровергнуть.

Верить или нет в реальность этих причудливых ритуалов — другой вопрос. Описания, которыми мы располагаем, полностью соответствуют знакомым измышлениям той эпохи, относящимся к ведовству и демонологии. И в конечном счете только эти измышления, участниками и свидетелями которых наконец становились сами обвиняемые, и убеждали инквизиторов. Так бывало на всех ведовских процессах. В результате сформировался ряд типичных образов, которые без конца повторялись, в которые искренне верили обвиняемые и обвинители и которые с незначительными

вариациями совпадают с легко распознаваемыми мифологическими схемами. Словом, миф в качестве ментальной структуры сильнее реальных событий.

Что касается таинственной «**головы**» **тамплиеров**, поскольку речь идет в основном о ней, то источники этого мифа хорошо известны в европейской традиции. Они восходят к незапамятным временам и составляют часть кельтского наследия при аналогичных заимствованиях из восточных традиций. В свете этих источников и надо рассмотреть «**миф**» о голове, который в той или иной форме пережили **тамплиеры**, и воплощенный в событиях того времени образ, который представился обвинителям через посредство этого кривого зеркала.

Исходная точка — один валлийский текст, содержащийся в рукописи XII века, но воспроизводящий более ранний рассказ: «**Передур, сын Эвраука**». Это валлийская - и кельтская - версия «**Поисков Грааля**», по крайней мере первоначальной версии, использованной Кретьеном де Труа в своем «**Персевале, или Повести о Граале**». Когда герой оказывается в замке Грааля, у таинственного Короля-Рыбака, он становится очевидцем необычной процессии: «**Он начал разговаривать со своим дядей, когда увидел подходящих к залу и входящих в комнату двух человек, которые несли огромное копье; с узкого места в наконечнике копья на пол стекали три струи крови.**

При этом зрелище все общество заплакало и застонало... Через несколько мгновений молчания вошли две девы, несущие между собой большое блюдо, на котором лежала человеческая голова, плавающая в собственной крови. Общество издало такие крики, что трудно было находиться с ними в одном зале» [Les Mabinogion / trad. de Joseph Loth. Paris, Presses d'aujourd'hui, 1979. P. 203. См.: Markale J. Le Graal. Paris, Retz, 1982. P. 54.]. Сразу можно отметить, что Кретьен де Труа эту человеческую голову на блюде заменит граалем, не сказав ничего о его содержании.

Это единственная версия «**Поисков Грааля**», представляющая столь таинственный предмет, как **Грааль**, в таком виде. Но в валлийской традиции эта история об отрубленной голове не уникальна. В другом легендарном рассказе герой Бран Благословенный после неудачного похода в Ирландию, во время которого его ранили отравленным копьем, просит спутников отрубить ему голову, взять ее с собой и поместить в Лондоне на белый холм. Там они примут участие в настоящем празднике бессмертия, который возглавит эта отрубленная голова [Les Mabinogion. P. 33-41. См.: Markale J. L'Épopée celtique en Bretagne. 3e ed. Paris, Payot, 1984. P. 43-52.]. И они похоронят эту голову в холме; в результате страна будет недоступна для любого вторжения, пока не выкопают эту голову. Бесспорно, изложенный здесь сюжет близок к мифу о Персее и Медузе. Священная Голова — это защита от врагов. Об этом следовало бы вспомнить, прежде чем пускаться в эзотерические толки насчет так называемого **Бафомета**.

Во французском рассказе «**Перлесваус**», тексте конца XII века, который отмечен сильным клюнийским влиянием, но излагает первоначальную кельтскую легенду о Граале, Ланселот Озерный вынужден отрубить голову великану, чтобы спасти свою

жизнь, но при условии, что сам вернется через год и позволит великану отрубить голову себе. Великан подбирает свою голову и исчезает. Та же история содержится в гораздо более раннем ирландском рассказе «Пир у Брикриу», герой которого — знаменитый воин Кухулин [Markale J. L' Europe celtique d'Irlande. Paris, Payot, 1978. P. 112-113.]. Эта «игра в обезглавленного», как ее называют, заканчивается имитацией отрубания головы и соотносится с сюжетом, хорошо известным в христианской агиографии, — святыми цефалофорами (носителями своей головы после агрессии), такими, как св. Дионисий во Франции, св. Тремер и св. Трифина в Бретани или св. Митра в Провансе.

Такие рассказы соответствуют традиции, которую приписывают древним галлам. Согласно Титу Ливию, галлы отрубали головы врагам и, обработав их, вешали за волосы на подгрудные ремни своих коней (Тит Ливии, X, 26). Диодор Сицилийский (V, 29) и Страбон (IV, 4) говорят почти то же самое, уточняя, что галлы крепят трофеи к дверям своих домов. Тит Ливии (XXIII, 24) охотно распространяется о судьбе головы консула Постумия, которую оправили в золото и сделали ритуальным сосудом для друидических церемоний. Данные археологии подтверждают эти тексты. Среди развалин городов Гланума (Сен-Реми-де-Прованс), Сен-Блеза (близ Истра) и Антремона (близ Экса-ан-Прованс), а также в музее Борели в Марселе можно видеть столбы с гвоздями, служившие «вешалками для черепов». В том же музее Борели, а также в музеях Гране в Эксе-ан-Прованс и Кальве в Авиньоне есть некоторое количество отрубленных голов, высеченных из камня. Кстати, такие изображения часто встречаются на капителях романских церквей: романское искусство унаследовало многое из галльской скульптуры.

Об этом обычае свидетельствует и ирландская традиция. В Ольстере, в крепости короля Конхобара, был зал, предназначенный для военных трофеев, в частности для отрубленных голов. В одном странном рассказе герой Коналл Кернах отрубает голову королю Месегре. Потом он кладет голову на камень на берегу брода. «Капля крови скатилась с шеи и упала на камень, пройдя сквозь него до земли. Тогда он положил голову на другой камень, и голова прошла сквозь камень» [Revue celtique. VIII. P. 48 ff.]. Можно понять, что эта голова обладала коррозионными свойствами. Та же деталь приводится и при описании головы героя Кухулина: «Голова расплавила камень и прошла насквозь» [Ogam. XVIII. P. 352.]. Итак, можно заметить, что таинственная «голова» тамплиеров возникла в воображении инквизиторов совсем не случайно. Она связана с весьма давней западноевропейской традицией. И надо ли напоминать легенду о голове святого Иоанна Крестителя, которого хотели сделать покровителем ордена Храма?

Но обвинения по адресу ордена Храма этим не ограничились. Известно, что безо всяких доказательств тамплиеров обвиняли в занятиях алхимией. Этим объясняли происхождение их богатства, что, в свою очередь, укрепляло веру в существование спрятанного сокровища, то ли в материальной форме, то ли в форме секретных документов, посвященных превращению металлов. Смельчаков, пытающихся

проникнуть в тайну подземелий Жизора, можно включить в категорию людей, которые верят в существование алхимических документов.

А ведь в рассказе о валлийском герое Бране Благословенном сказано, что голова Брана должна быть похоронена внутри белого холма в Лондоне. Надо знать, что на валлийском и бретонском языках brân означает «ворон». Значит, можно понять, что «Голова Ворона» должна быть спрятана в «белом холме». В алхимических текстах «Голова Ворона» — распространенный символ одной из стадий операции, называемой «великое делание». «Наша ртуть, — пишет святой и алхимик Альберт Великий (Состав составов, V), — останется на дне... превратившись в черноватую землю». Поэт-алхимик Раймунд Луллий, чьи грандиозные фантазии вдохновили Филиппа Красивого, описав изощренные операции очистки первоматерии, чтобы она могла стать философским камнем, пишет (Ключица, VIII): «Тогда ты получишь Голову Ворона, которую так искали Философы, без которой не может существовать Великое Магистерство».

Мало того. Знаменитый Никола Фламель в своем «Трактате об иероглифических фигурах» (глава V) пишет так: *«Рассмотри этого человека, имеющего облик святого Павла... Он хочет взять обнаженный меч, то ли чтобы отрубить голову тому человеку, который стоит на коленях у его ног, то ли чтобы совершить над ним еще что-то... Но хочешь знать, чему учит этот человек, взявший меч? Он означает, что надо отрубить Голову Ворону, то есть тому человеку... который стоит на коленях... Лиши головы этого черного человека, отруби голову ворону, и едва она будет отъята, вмиг появится белый цвет».* Известно, что «Голова Ворона» — одна из стадий «великого делания», когда Камень пребывает в черном. Тогда его надо избавить от этой черноты и отрубить голову ворону, что позволит достичь следующей стадии, Камня в Белом, способного, кстати, превращать свинец в серебро.

Все это довольно странно. Нельзя не вспомнить о печати **тамплиеров**, изображающей двух всадников на одной лошади, очевидный символ Ртути и Серы у алхимиков, соединение которых, необходимое для получения философского камня, может быть достигнуто только при помощи Тайного огня, символ которого здесь — лошадь. Нельзя забыть и о штандарте **тамплиеров**, Босане или Босане (**Vausent** либо **Baussant**): этот штандарт — черно-белый. Этот черно-белый штандарт невозможно не сопоставить с таинственной «головой». А разве неизвестно, что в «**Романе о Лисе**»

кабана зовут Босан? Что в валлийском языке кабан называется baoddan, что произносится приблизительно как «босан»? Что у кельтов кабан символизирует жреческий класс друидов? Что во многих скульптурных изображениях, например на знаменитом котле из Гундеструпа, кельтские воины носят на шлемах фигурку кабана? Когда воины носят жреческую эмблему, это скорее странно, потому что полностью противоречит средневековому закону о трех классах, который индоевропейцы, а значит, и кельты строго соблюдали. Все-таки разделение на три функции имеет очень четкий характер: есть священники, воины и производители. Но разве **тамплиеры**, будучи одновременно монахами и солдатами, не выполняли обе функции, воинскую и священническую? Во всяком случае, их штандарт говорит об этом. И таинственная «**голова**» — Голова Ворона, которую надо отрубить, чтобы открыть белизну, в смысле — свет.

Это алхимические понятия. Но Алхимия, прежде чем стать заурядным ремеслом по превращению металлов, поначалу была философской системой, претендующей на выявление Знания благодаря работе над Материей (**Черным**) и Духом (**Белым**), над физическим и психическим, над телом и душой. Однако полностью роль таинственной «**головы**» в церемониях, описанных в протоколах допросов, никогда не понять, если отделить проблему «**головы**» от проблемы «**непристойных поцелуев**».

Среди пунктов обвинения действительно числятся обычаи, которые судьи расценили как постыдные: «**Во время приема братья... целовали друг друга иногда в уста, в пупок или в голый живот, а также в анальное отверстие или в позвоночник**». Можно полагать, обвинители задействовали весь фольклорный арсенал шабаша, действия, для которого характерны непристойные жесты, особенно когда участники целовали дьявола в образе козла под хвост. Можно также полагать, что эти бесстыдные поцелуи входили и в другой пункт обвинения — в содомии. Сразу же уточним, что в Средние века слово «**содомия**» не имело того узкого смысла, как теперь, и означало любую гомосексуальную практику, в том числе и развратные поцелуи. Но **тамплиеры** в основном отвергали обвинения в принудительной содомии, и инквизиторы не очень настаивали на этом пункте, довольствуясь выявлением частных случаев: гомосексуализм существовал всегда, тем более в сообществах мужчин, которым запрещалось иметь дело с женщинами. Это не составляет отдельной проблемы.

Но непристойные поцелуи, в которых упрекали **тамплиеров**, похоже, входили в состав ритуала, смысла которого уже не понимали сами исполнители. Описания чисто формальны. «**Я отвел его в сторону и велел поцеловать меня в нижнюю часть**

позвоночника, в пупок и в уста» (Гуго де Пейро). «Я поцеловал его сначала в нижнюю часть позвоночника, потом в пупок и наконец в губы» (Ренье де Ларшан). «Опять-таки по его приказу я поцеловал его в нижнюю часть позвоночника, в пупок и в губы» (Пьер де Тортевиль). «Далее брат Жан трижды поцеловал меня, сначала в нижнюю часть позвоночника, потом в пупок и наконец в уста» (Жан дю Тур, казначей парижского Тампля). «Я поцеловал прецептора в губы, в пупок и в непристойные органы снизу. Я видел, как так же принимали брата Артура, каковой был со мной, и впоследствии нескольких других» (Пьер Болонский). «Брат, принимавший меня, грубо сказал мне: поцелуй меня в задницу» (Никола Амьенский, прозванный Никола из Люлли). «Я слышал об этом пятьсот раз с разом, это было общеизвестно, что принимаемый целует принимающего в анальное отверстие, если только не Наоборот. Поэтому, говорили, прием и происходит тайно за семью запорами» (Гишар де Машиако)...

Такие цитаты можно приводить и дальше. Они отличаются характерной похожестью. Кроме случая с Пьером Болонским, который, впрочем, скорее всего перепутал направление, речь идет о трех поцелуях: сначала в анальное отверстие, потом в живот и наконец в уста. Конечно, это должно что-то означать. Обычно комментаторы процесса *тамплиеров* не задерживаются на рассмотрении этих отталкивающих процедур. Они либо сдержанно посмеиваются над этим, либо, очень шокированные (*говорить о таких вещах не следует!*), поскорее ставят клеймо: это ребячество, дедовщина, как в больших школах и тому подобных сообществах или же у военных, которые, как знает каждый, не слишком утончены и не слишком деликатны. Это легко сказать. Но прежде чем пытаться немного яснее понять это, хорошо бы еще раз обратиться к Рабле, этому старому хитрецу, многое знавшему о традициях, доставшихся от былых веков. Помним ли мы, что в «Гаргантюа» имя, данное конюшим Гимнастом (*чье имя значит «тот, кто обнажен»*), — *Поцелуй-меня-в-зад?* Что в «Пантагрюэле» происходит бурная — и совершенно непонятная на первый взгляд, так богата там словесная алхимия намеками и символами, — дискуссия между сеньорами Пейвино и Лижизадом, что любимым оружие брата Жана Зубодробителя — *из которого получился бы превосходный тамплиер* — был странный фаллический предмет под названием Мальхус (*Mal-Cul [Плохой Зад]*, где игра слов намекает на короля Малека)? *Во всем произведении Рабле явно проявляется желание подчеркнуть важность выходящих газов, и прежде всего из зада.* Чувствительные люди сочтут это скатологией, но им следовало бы догадаться о символическом значении отходящих газов, каковые происходят из подземного мира, иначе говоря, из копей, где добывают Первоматерию Философов, ту самую, которая в силу разных операций и трансформаций становится Философским Камнем, иначе говоря, чистым светом Духа. А Дух традиционно находится в Голове.

Ну вот. Непристойные поцелуи *тамплиеров* — это все, что осталось (*или все, о чем пожелали сообщить*) от очень старинного инициационного обряда: *он начинается с зада*, то есть из рудников, воспринимающих выдохи материи грубой, необработанной, но богатой возможностями, переходит к животу, месту преобразования (*вспомним*

мессера Гастера!), переработки и очищения, и кончается на устах, на голове, высшей точке, где очищенный выдох становится гласом божьим.

Кстати, это полностью соответствует восточной традиции Кундалини, энергии, которая рождается в нижней части позвоночника, между половым органом и анальным отверстием, и в форме символической змеи поднимается вдоль тела, иннервируя различные чакры — разнообразные центры активности человека, пока наконец не достигает последней чакры, находящейся в голове, — чакры Просветления. Этот инициационный ритуал не может вызвать никаких сомнений. Он так верно описан в показаниях тамплиеров, пусть даже исполнители его уже не понимали, что отрицать это невозможно. Итак, эти непристойные поцелуи — не скабрезная забава школяров, а то, что осталось от инициационного ритуала высокого полета, цель которого заключалась в том, чтобы дать новому рыцарю осознать: он должен начинать снизу, чтобы достичь верха, а не считать, что уже достиг верха, и не спускаться обратно вниз. И главное, этот ритуал фактически полностью оправдан *Святым Бернаром Клервоским*: «Мы существа плотские и рождены от вожделения плоти; поэтому наша любовь неизбежно начинается с плоти, а последняя, успокоившись, постепенно возвысившись под водительством благодати, расходует себя в духе. То, что в нас духовно, не может опередить животное начало, но раскрывается лишь вслед за ним; прежде чем обрести образ человека небесного, нам должно иметь образ человека земного. Человек начинает с того, что любит себя... потом он любит Бога, но все еще для себя, не для Него... изведав же, как милосерд Господь, он возвышается до третьей ступени, состоящей в том, чтобы любить Бога для Бога. Тогда он останавливается, и не знаю, был ли такой человек, который в сей жизни когда-либо достиг последней ступени любви — любить самого себя только для Бога» [Bernard de Clairvaux, saint. Textes politiques. Ed. de Zumthor. Paris, Union generate d'editions, 1986. P. 78-79.].

Аббатом Клерво, основателем ордена Храма, в этом тексте сказано все. Вопрос лишь в том, все ли тамплиеры были способны понять эти слова и извлечь из них практические уроки.

Бафомет — это миф. Голова, чудовищный облик которой описывали, — это миф. Но мифы — это намного более сильные реалии, чем материальные предметы или даже человеческие существа. Надо лишь очень высоко подняться, чтобы попытаться их понять или воспринять то, что непостижимо. Таинственная «голова» тамплиеров — это символ, символ главной цели, к которой следует стремиться: любви к самому себе для Бога. Все остальное — низкопробная литература, которую породило воображение людей, распаленное легендами, конечно, очень важными, но уже непонятными для тех, кому следовало бы их понимать [Так, традиция упорно утверждает, что папа Сильвестр II, то есть знаменитый монах Герберт Орильякский, очень сведущий в тайных науках, изготовил бронзовую говорящую голову. Святой алхимик Альберт Великий якобы потратил тридцать лет на изготовление аналогичной головы. Но Фома Аквинский, основатель рационалистического направления в Церкви, якобы разбил этого «идола», потому что голова говорила слишком много. Символика этой легенды очень ясна.]

Однако эта таинственная «голова» тамплиеров и все темные элементы, ореолом окружающие ее, могут преподать нам и еще один урок. Если хочешь что-то обнаружить, необходимо терпение, и, главное, не следует начинать сразу с намеченной цели. Голова — это Цель. Но начинать надо с поиска — в темных областях низа. Может быть, тщательно обследуя подzemелья, как Жизора, так и нашего мышления, мы обнаружим колодец, выводящий к свету, — туда, где находится Голова, освобожденная от тела, и глаза, устремленные в бесконечность.

www.tempelvril.org